

Вайда Э. Д., Ким-Малони А. А., Ким Ант. А.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МЕТАМОРФОЗЫ В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ ОБСКО-ЕНИСЕЙСКОГО АРЕАЛА

Представлено исследование лингвистических и культурных аспектов метаморфозы персонажей в фольклоре трех народов обско-енисейского ареала: кетов, селькупов и хантов. В работе рассматриваются варианты мифа о происхождении месяца, общего для этих трех культур.

Миф демонстрирует несколько метаморфоз, например: мужчина → половина мужчины без сердца → месяц; мужчина → лебедь → половина мужчины без сердца → месяц и др.

Структура ситуации метаморфозы включает следующие компоненты: 1) кто/ что превращается; 2) в кого или во что превращается субъект; 3) инициатор метаморфозы (если имеется); 4) действия, сопровождающие и/или инициирующие трансформацию.

Ключевые слова: *фольклор, обско-енисейский ареал, метаморфоза, лексико-грамматические средства реализации.*

В последнее время отчетливо проявляется тенденция проведения междисциплинарных исследований, включающих лингвистику и ряд других гуманитарных наук, например фольклористику, этнографию. Как правило, материал разных наук или их отраслей может удачно дополнять друг друга, способствуя более глубокому и системному пониманию рассматриваемых явлений языка и культуры. Статья представляет собой такого рода исследование, где для интерпретации ситуации метаморфозы в фольклоре аборигенных народов обско-енисейского ареала привлекаются данные ареальной, социальной и антропологической лингвистики, семантики и культурной антропологии. Объектом исследования является ситуация метаморфозы, представленная в фольклоре трех народов обско-енисейского ареала: кетов, селькупов и хантов. Термин «языковой ареал» – дискуссионный: нет единого мнения по вопросу о количестве языков или семей, диапазона распространения общих структурных черт в языках ареала, уровня уникальности одних черт по сравнению с другими, их иерархии и т. д. Обско-енисейский ареал применялся к диалектам хантыйского, селькупского, чулымско-тюркского, кетского, нганасанского языков как условно-обозначаемый (Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала, 2010: 6).

О более широком сибирском ареале говорит Янош Пустаи. По его мнению, протоуральский язык возник в окружении других сибирских языков и в контакте с ними. Данное окружение автор называет северно-евразийской языковой зоной – *nordeurasische sprachliche Zone (NEASZ)*. Это относительно замкнутый ареал как в языковом, так и в этнокультурном отношении. В своем исследовании Я. Пустаи демонстрирует языковую гомогенность этого ареала и выявляет 13 характерных общих языковых характеристик (Pusztay, 1995: 17). Кетский, хантыйский и селькупский языки рассматривались как часть обско-енисейского ареала и северно-евразийской языковой зоны.

I. Культурная интерпретация метаморфозы в фольклоре кетов, хантов и селькупов

Фольклор кетов, хантов и селькупов имеет много общего как в построении сюжетов, так и в характеристике персонажей.

Важными особенностями функционирования персонажей в фольклоре кетов, хантов и селькупов являются их метаморфозы, реализуемые лингвокультурной системой, которая включает изменение поведенческих, символических и культурных характеристик персонажей, а также их номинаций. Например, в селькупской культуре можно выделить несколько

групп таких метаморфоз: шаман → белка / медведь / горноста́й / птица; человек (герой) → птица / рыба / зверь (практически задействован весь животный мир); духи, боги, черти и другие сверхъестественные существа → человек / животные / природные объекты; предметы обихода → природные объекты и т. д. Аналогичные примеры можно проследить на фольклорном материале народов сопряженных территорий – кетов и хантов (Мифология селькупов, 2003: 94–95).

Ситуация метаморфозы является типичной (возможно, универсальной) в текстах мифического или сказочного содержания, однако, несмотря на одну из центральных позиций метаморфозы, не получила должного анализа в лингвистической литературе. Семантическим стержнем ситуации является *метаморфоза*, (греч.): «превращение, переход одной формы в другую, с приобретением нового внешнего вида и функций; значительное изменение, необыкновенная перемена в чем-то (шутл.)» (Толковый словарь русского языка, 1938: 195). Метаморфоза демонстрирует «превращенный» мир, когда основной субъект как бы исчезает, а сохраняется его «оборотень». По мнению Арутюновой, метаморфоза указывает на «частное совпадение субстанций», не отлагаясь в языке в виде особого способа преобразования и порождения значений, поэтому метаморфоза – это эпизод, сцена, явление, в то время как метафора пронизывает собой все развитие сюжета (Арутюнова, 1990).

Ситуацию метаморфозы можно проиллюстрировать на основе сходных вариантов мифа о происхождении месяца в культурах кетов, селькупов и хантов, для которых характерны аналогичные сюжеты и повторяющиеся детали. Основной сюжет: Солнце (женщина) находит мужа (человек или месяц). Злой дух преследует мужа, настигает, хватает (за левую руку или ногу) и тянет к себе, а Солнце тянет к себе за другую. Они разрывают его на части: половина с сердцем остается у Злого духа (у кетов Кыньсь или Хосядам, у селькупов – Ло), а у Солнца – половина без сердца (или души). Солнце пытается оживить свою половину, но безуспешно. Из половины получается Месяц.

Персонажи и их метаморфозы в разных вариантах мифа включают:

Персонаж 1: мужчина или *Бангдэхып*, т. е. «месяц» у кетов; «старший брат черта» у селькупов превращается в половину человека (без сердца), а затем в месяц (двойная метаморфоза); другая половина мужчины (с сердцем) превращается в женщину (эта метаморфоза отмечена только у селькупов: злой дух *Ло* из половины мужчины сделал себе жену); человек-мужчина превращается в лебедя (у хантов), затем становится мужем дочери Солнца, а после разрыва на две части становится половиной мужчины, которая в результате магического действия солнца превращается в месяц.

Персонаж 2: солнце присутствует в женской ипостаси (или дочери Солнца у хантов).

Персонаж 3: злое существо в женском или мужском облике (у кетов – Кыньсь, Хосядам или мырак; у селькупов – Старуха нижнего мира или *Ло* – дьявол; у хантов – сестра-людоед или две брошенные жены). В кетском мифе злой дух принимает облик женщины, сестры мужского персонажа, чтобы обмануть бдительность последнего.

У сибирских народов метаморфозам подвержены не только антропоморфные персонажи: в вариантах мифа о месяце метаморфозы испытывают и предметы: *оселок/кремель* превращается в *скалу/утес*; *гребень* превращается в *лес/тайгу*.

Сводная таблица по разным культурам помогает выявить общие детали метаморфоз по этносам, а также установить, в каком этносе исследуемые элементы представлены в большей степени (см. таблицу).

В результате сравнения становится очевидным, что в кетском мифе присутствует больше деталей, чем в селькупском или хантыйском. В связи с этим можно выдвинуть следующие гипотезы о возможном источнике происхождения мифологического сюжета: 1) кетский этнос, где наибольшее количество вариантов и деталей; 2) субстратный этнос, откуда сибирские культуры унаследовали этот сюжет и развили его согласно своим культурным доминантам.

Персонажи	Кеты	Селькупы	Ханты
Персонаж главный женский	Солнце (дочь)	Солнце	Дочь Солнца
Персонаж главный мужской	Человек-Бангдэхып-месяц (сын)	Человек; <i>Старший брат чёрта</i>	Человек-лебедь
Персонаж отрицательный	Хосядам = людоедка = мать нижнего мира (морей); Кыньсь, Мырак	Старуха нижнего мира Чёрт-лоз (мужск)	Сестра-людоедка Предыдущие жёны
Помощники солнца	гребень, кремьень, конь, волки		гребень, кремьень, конь
Магические действия			
	Оживление половины мужчины без сердца качанием. Оживление мужа вставлением уголька вместо сердца	Оживление половины мужчины без сердца качанием. Оживление вставлением сердец светлых птиц, сердца и печени зверя	Оживление половины мужчины без сердца лечением
	Превращение половины мужчины без сердца в месяц бросанием	Превращение половины мужчины без сердца в месяц бросанием	Превращение половины мужчины без сердца в месяц бросанием

II. Языковая реализация метаморфозы

Ситуация метаморфозы может реализовываться в языке различными конструкциями, структура которых включает следующие компоненты: а) субъект метаморфозы (кто/ что превращается); б) результат метаморфозы (в кого или во что превращается субъект); в) инициатор метаморфозы (если это не само-инициатива субъекта); г) действие, фиксирующее превращение (в основном глагол 'становиться'); д) действие, иницирующее или сопровождающее метаморфозу. Реализация основного компонента б) – результата метаморфозы, дает разнообразные конструкции. Лексико-грамматические средства реализации других компонентов вносят семантические коррективы.

Рассмотрим языковую реализацию метаморфозы на примере селькупского языка.

1. Субъект метаморфозы реализуется в основном именами существительными, обозначающими людей, животных, предметы, части тела, именами собственными и местоимениями.

na kaw-lika-t mer-yul pö:-t-ko e:dze-mb-adit.
 этот кровь-DIM-PL цена-LOC.ADJ камень-GEN-DEST.TRNSL статья-PSTN-3PL
 Эти капли крови дорогими камнями стали (Сказки нарымских селькупов, 1996:100).

2. Результат метаморфозы реализуется именами существительными в назначительно-превратительном или превратительном падежах:

Na tar āste-t-ko ēd'e-mb-adət.
 это шерсть олень-GEN-DEST.TRNSL статья-PSTN-3PL
 Эта шерсть оленями стали (Вольджа).

Назначительно-превратительный падеж в селькупском языке выражается показателем -qo (-tqo), -go (-ngo, -ŋgo) и имеет три функции: назначительную, целевую и превратительную. Падежный показатель -qo / -go |-ku присоединяется к имени в форме родительного падежа (Беккер, 1995: 275). Согласно Э. Г. Беккер, (1978: 160), в данных примерах представлена синтетическая форма назначительно-превратительного падежа (генетивный показатель +–ko), в отличие от аналитической формы (kožengo).

В превратительной (транслативной) функции назначительно-превратительный падеж употребляется с глаголами типа: «взять кого-либо в качестве кого-либо», «сделаться, стать кем-либо, чем-либо», «смотреть что-либо во что-либо», «называть, нарекать кого-либо каким-либо именем» (Беккер, 1995: 279).

В южных диалектах селькупского языка можно выделить превратительный падеж на *-le*, *-l'e*, *-vle*, *-yle*, *-wlä*, *-(l)lä* (Беккер, 1978: 169; Беккер, 1995: 284). Этот падеж «сосуществует с назначительно-превратительным падежом на *-ko* /*-qo* для передачи значения вхождения предмета в состояние нового качества или указывает на процессуальность данного превращения» (Беккер, 1995: 285). Функциональная направленность этого падежа однозначна. Возможно, это падежное окончание является результатом грамматикализации причастия V/LV вспомогательного глагола «быть» (Кюннап, 1971: 214). Е. А. Хелимский квалифицирует формы на *-wlä*, *-ylä* как деепричастия отыменных глаголов со значением «сделать кем-либо» и «стать кем-либо» (Хелимский, 1982: 101–102). Например:

qoldi präko-βl'e azu-mb-a.

Обь протока-TRNSL стать-PSTN-3SG.sub

Обь стала протокой (Иванкино).

aba-t kur-l'e t'ü-an ked'e-gu-m t'abä-t,

a nan'a-kät üi-lozi-γl'e kand'e-d'i-mp-an

старшая сестра-POSS.3SG бежать-CVB прийти-3SG.sub кузов-DIM-ACC

схватить-3SG.ob а младшая сестра-LOC1 каменная-кукла- TRNSL застыть-INTNS.IPFV-PSTN-3SG.sub.

Старшая сестра ее прибежала, кузов схватила, а сестренка ее застыла (обернулась) железной (букв. каменной) куклой (Новосондрово).

Кроме падежной реализации ситуация может передаваться конструкцией существительного в родительном падеже с послелогом: *-tarēdik* и *-t'at*. Семантика таких ситуаций чаще всего предполагает неполное превращение или просто уподобление с возможным возвратом к исходной форме, например:

Pēge kut tarēdik azimba

Рябчик человек-GEN как/наподобие стать- PSTN-3SG

Рябчик человеком (человека наподобие) стал (Сказки нарымских селькупов, 1996).

Согласно В. В. Быконя (Беккер, Быконя, 1995: 199), послелог стоит здесь в адвербиальной форме (при сравнении по какому-либо признаку, при уподоблении чему-либо в обских говорах), а вообще, послелог *-tare* выражает отношения сравнения, соответствия, уподобления. В сочетании с глаголом «становиться» конструкция с послелогом *-tare* указывает на появление у кого-либо нового качества, свойства или состояния:

čāmdzi ēdz-a taβa-t tare.

лягушка стать-3SG.sub мышь-GEN как/наподобие

Лягушка превратилась в мышь (букв. 'стала мыши наподобие') (Тюхтерево).

Mat ī-t t'at tēka ε-nž-ak.

1SG сын-GEN вместо 1SG.LAT быть-FUT-1SG.sub

Я тебе сыном буду (сына вместо) (Иванкино).

Данную ситуацию можно охарактеризовать как метаморфозу функции, так как субъект не меняет своей формы, но приобретает новую функцию. Послелог *čad* имеет широкий спектр значений и выражает в зависимости от контекста пространственные, временные, причинно-целевые, делиберативные отношения, отношения обмена и употребляется при указании лица или предмета, вместо которого совершается действие (Беккер, Быконя, 1995: 196–197).

3. Действие, фиксирующее превращение, передается в основном глаголом 'становиться'.

4. Действие, инициирующее или сопровождающее метаморфозу, включает чаще всего резкие движения типа *бросить*, *ударить*, *сдавить* (особенно при внешнем инициаторе), но не включает и плавные действия – *скользнуть*, *натянуть*, *стянуть* (при самоинициативе). Маркеры

совершаемости в глаголах могут предоставить дополнительную информацию о действии; например, было ли действие многократным, продолжительным, интенсивным и т. д.

В хантыйском языке, как и в селькупском, в ситуации метаморфозы результат (основной компонент) реализуется превратительным падежом на -ү, -әү, -үэ, который Н. А. Лыскова называет «аргументом метаморфозы» (Лыскова, 2003: 162). Например:

qu	imkä			rätſkenä		
qu	imi	-үэн1	-a	rät'	-үэн1	-nat
man	old.woman	DU	ILL	old.man	DU	COM
человек	старуха	DU	ILL	старик	DU	COM

pirn'ätayayin							samintay
pirnä2	-t1	-ү2	-үэн2				samintay
cross.oneself	TR	DER	PST0.3SG				kerchief
креститься	TR	DER	PST0.3SG				платок

joymrotata						
joүer	-e-	-mt2	-ä-	-tə		
wrap.around	EP	CMPL	EP	IMPP		
обмотать	EP	CMPL	EP	IMPP		

qotŋoү		poraylas		joүpa		әŋkälä		
qotən	-oү	porayel	-ä-	-s2	joү1	-pa1	әŋki	-ll -a
swan	PROL	fly	EP	PST2.3SG	home	ALL	mother	3SG ILL
лебедь	PROL	летать	EP	PST2.3SG	дом	ALL	мама	3SG ILL

Парень бабе с дедом поклонился, платком обернулся, лебедем полетел домой к матери (Парень-Лебедь. Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала, 2015: 97).

В кетском языке ситуация метаморфозы реализуется двумя способами:

1) глаголами превращения с инкорпорированной именной частью, например:

bū qīr-a-t-on-oq 'Он луной стал.'

he luna-3MASC.SG.SBJ-DET-PAST-become (DET = детерминатив, аффикс неизвестной семантики);

2) превратительным /транслативным падежом без инкорпорации, например:

bū qīr-esaŋ si-a-t-on-oq 'Он превратился в луну.'

he luna-TRNSL exist-3MASC.SG.SBJ-DET-PAST-become (Вайда, 2008).

Для анализа фольклора важно также выяснить, является ли превращение окончательным или возможно возвращение к исходной форме; является ли субъект ситуации одушевленным, антропоморфным, зооморфным или неодушевленным; можно ли определить гендерные роли участников ситуации. Эти и другие детали могут раскрываться благодаря лингвистическому анализу.

Секс/гендер компонентов ситуации может выявляться благодаря лингвистическому или социально-культурному анализу. Например, в мифе о происхождении месяца в селькупском и хантыйском языках *месяц* обозначается лексемой «мужчина», «старик» (Мифология селькупов, 2004; Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990). Секс/гендер определяется также при помощи анализа социальных функций персонажей и языковых средств. В кетском языке слово 'луна/месяц' относится к мужскому классу, а 'солнце' – к женскому (Дульзон, 1968: 63, 89). В социокультурном отношении месяц как мужчина выполняет функцию мужа, т. е. охотится, путешествует. Солнце (дочь Солнца) как женщина выполняет функцию жены, т. е. ведет до-

машнее хозяйство. Персонаж-антипод в кетском языке *Хосядам* имеет компонент 'мать', поэтому в мифе может трансформироваться в женщину – сестру героя). В селькупском языке персонаж-антипод *Ло* ассоциируется с мужчиной, поэтому понятно, почему в варианте мифа о месяце *Ло* делает из половины мужчины с сердцем себе жену.

Итак, ситуация метаморфозы вычленяется преимущественно в текстах мифологического или сказочного содержания, может быть реализована падежными и/или послеложными конструкциями, а в кетском языке еще и глаголами превращения с инкорпорированной именной частью. Эти конструкции можно представить как *неэлементарные единицы языка*, «образованные взаимопроникновением своих составных компонентов» (Лингвистика конструкций, 2010: 12). У конструкции метаморфозы имеется план содержания и план выражения, который не выводится из значения и форм составляющих компонентов.

Анализ конструкции метаморфозы в качестве неэлементарной единицы языка показал:

на *синтаксическом* уровне конструкция метаморфозы связывает несколько синтаксических единиц (а – субъект, б – результат, в – инициатор, г – действие превращения, д – действие инициации) и устанавливает отношение между ними;

на *семантическом* уровне конструкцию метаморфозы можно описать следующим образом: *некий одушевленный или неодушевленный субъект превращается в кого-то / во что-то новое или приобретает новые функции в результате определенного действия;*

на *прагматическом* уровне устанавливается взаимодействие с предметом, приобретающим новый вид, качество или функцию.

Межэтнические сопоставления способствуют раскрытию глубинного содержания лингвокультурных ассоциаций процесса номинации и семантизации фольклорных персонажей.

Список литературы

- Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала / авт.-сост. А. Ю. Фильченко, О. С. Потанина, Е. А. Крюкова, А. В. Байдак, Н. Л. Федотова, Н. П. Максимова, В. Ю. Гусев [и др.]. Томск: Ветер, 2010.
- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
- Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 1. Томск: РИО ТГУ, 1995. 292 с.
- Беккер Э. Г. Категория падежа в селькупском языке. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ин-та, 1978.
- Вайда Э. Неопубликованные полевые записи Э. Вайды по кетскому языку за 2008 год // Личный архив автора. Беллингхем, США.
- Дульзон А. П. Кетский язык. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1968. 631 с.
- Кюннал А. Об инструментале южно-самодийских языков // Советское финно-угроведение. 1971. № 7. С. 205–217.
- Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. 584 с.
- Лыскова Н. А. Семантика падежа в обско-угорских языках. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. 284 с.
- Мифология селькупов / науч. ред. В. В. Напольских. Томск, 2004. 382 с.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной. М.: Наука, 1990. 586 с.
- Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала / авт.-сост. А. Ю. Фильченко, О. С. Потанина, М. Н. Тонян, Ю. В. Курганская, Е. А. Крюкова, Н. П. Максимова, Н. Л. Федотова [и др.]. Т. 3. Томск: Вайар, 2013. 386 с.
- Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала / авт.-сост. А. Ю. Фильченко, О. С. Потанина, П. М. Фелан, В. Е. Варда, Ю. В. Курганская, Е. А. Крюкова, И. А. Ильяшенко [и др.]; отв. ред. А. Ю. Фильченко. Т. 4. Томск: ТМЛ-Пресс: Вайар, 2015. 344 с.
- Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык / записи, перевод и комментарии В. В. Быконя, А. А. Ким, Ш. Ц. Купер, Н. П. Максимовой, И. А. Ильяшенко. Томск: АО «Издательство НТЛ», 1996. 187 с.
- Толковый словарь русского языка / науч. ред. Д. Н. Ушаков. Т. 2. М., 1938. 195 с.
- Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М.: Наука, 1982.
- Pusztay J. Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische), Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Harrossowitz Verlag, Wiesbaden, 1995. Bd. 43. 132 S.

Вайда Э. Д., Ph. D. Linguistics, профессор.
Западно-Вашингтонский университет, США.
E-mail: edward.vajda@wwu.edu

Ким-Малони А. А. доктор филологических наук, профессор.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: alexandrakim@hotmail.com

Ким Ант. А., кандидат исторических наук, доцент.
Национальный исследовательский Томский политехнический университет.
Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: kima@inbox.ru

Материал поступил 09.03.2016

Vajda E. D., Kim-Maloney A. A., Kim Ant. A.

LINGUO-CULTURAL INTERPRETATION OF METAMORPHOSIS IN THE NATIVE FOLKLORE OF OB-YENISEI AREA

This paper investigates linguistic and cultural aspects of metamorphosis of folklore characters of three peoples of Ob-Yenisei area: Ket, Selkup, and Khanty. This work focuses on variants of a single myth about the moon's origin shared by these three cultures.

This myth revealed several metamorphoses, for example: man → man's half without a heart → moon; man → swan → man's half without a heart → moon, and the others.

The structure of metamorphosis situations might include the following components: 1) who/what is transforming; 2) in whom/what subject is transforming; 3) initiator of transformation (if available); 4) what actions are accompanying and/or initiating the transformation.

Thus the metamorphosis situation can be observed as a not elementary language unit, that is built by mutual penetration of composed components.

Key words: *folklore, Ob-Yenisei area, metamorphosis, lexical and grammatical means of realization.*

References

- Annotirovannye folklornye teksty obsko-eniseyskogo yazykovogo areala / avtory-sostaviteli A. Filchenko, O. Potanina, E. Kryukova, A. Baydak, N. Fedotova, N. Maksimova, V. Gusev [I dr.] [Annotated Folklore Prose Texts of Ob-Yenisey Language Area]. Tomsk, Veter Publ., 2010. 336 p. (in Russian).*
- Arytyunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. Teoriya metafory [The Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990. Pp. 5–32 (in Russian).*
- Bekker E. G., Alitkina L. A., Bikonya V. V., Ilyashenko I. A. Morfologiya selkupskogo yazyka. Yuznye dialekty [The Morphology of the Selkup Language. Southern Dialects]. Part I. Tomsk, 1995 (in Russian).*
- Bekker E. G. Kategoriya padezha v selkupskom yazyke [The Case Category of in the Selkup Language]. Tomsk, 1978 (in Russian).*
- Dulzon A. P. Ketskiy yazyk [The Ket Language]. Tomsk, Tomskiy un-t publ., 1968. 631 p. (in Russian).*
- Khelimskiy E. A. Drevneyshiyevngro-samodiyskiye yazykovye paralleli [The Most Ancient Hungarian-Samoyed Language Parallels]. Moscow, Nauka Publ., 1982 (in Russian).*
- Kyunnap A. Ob instrumentale yuzno-samodiyskikh yazykov [On the Instrumental Case in South-Samoyed]. Sovetskoe finno-ugrovedeniye – The Soviet Finno-Ugric, 1971, no. 7, pp. 205–217 (in Russian).*

Lingvistika konstruktsiy / sost. E. V. Rakhilina [Linguistics of Constructions. Compiler E. V. Rakhilina]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 584 p. (in Russian).

Liskova N. A. Semantika padezha v obsko-ugorskikh yazykakh [The Semantics of the Case in Ob-Ugrian Languages]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy un-t Publ., 2003. 284 p. (in Russian).

Mifologiya selkupov / nauchnyy redaktor V. V. Napol'skikh [The Selkup Mythology. Ed. by V. V. Napol'skikh]. Tomsk, 2004. 382 p. (in Russian).

Mify, predaniya, skazki khantov i mansi / sostavleniye, predisloviye i primechaniya N. V. Lukinoy [Myths, Legends, Tales of Khanty and Mansi. Compilation, Introduction, Notes by N. V. Lukina]. Moscow, Nayka Publ., 1990. 586 p. (in Russian).

Sbornik annotirovannykh folklornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo apeala / avtory-sostaviteli A. Filchenko, O. Potanina, M. Tanoyan, Yu. Kurganskaya, E. Kryukova, N. Maksimova, N. Fedotova [i dr.] [Annotated Folklore and Daily Prose Texts of Ob-Yenisei Linguistic Area]. Tomsk, Vayar Publ., 2013. Vol. 3. 386 p. (in Russian).

Sbornik annotirovannykh folklornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo apeala / avtory-sostaviteli A. Filchenko, O. Potanina, P. Felan, V. Varda, Yu. Kurganskaya, E. Kryukova, I. Ilyashenko [i dr.]; otvetstvennyy redaktor A. Filchenko [Annotated Folklore and Daily Prose Texts of Ob-Yenisei Linguistic Area. Ed. by A. Filchenko]. Tomsk, TML-Press, Vayar, 2015. Vol. 4. 344 p. (in Russian).

Skazki narymskikh selkupov: kniga dlya chteniya na selkupskom yazyke / zapisi, perevody i kommentarii V. V. Bykonya, A. A. Kim, Sh. Ts. Kuper, N. P. Maksimova, I. A. Ilyashenko [The Tales of Narim Selkups: the Book for Reading in Selkup Language. Notes, Translation and Comments by V. V. Bikonja, A. A. Kim, Sh. Ts. Kuper, N. P. Maksimova, I. A. Ilyashenko]. Tomsk, AO «Izdatelstvo NTL» Publ., 1996. 187 p. (in Russian).

Tolkovyy slovar russkogo yazyka / nauchnyy redaktor D. N. Ushakov [Dictionary of the Russian Language. Ed. D. N. Ushakov]. Moscow, 1938. Vol. 2. 195 p. (in Russian).

Vajda E. Neopublikovannye polevye zapisi po ketskomu yazyku [Not Publish Field Notes of the Ket Language by E. Vajda for 2008]. *Lichnyy arkhiv avtora* [Personal archive of the author]. Bellingham, USA (in Russian).

János, Puszta. Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische), Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Harrossowitz Verlag, Wiesbaden, 1995. Bd. 43. 132 S.

Vajda Edward

Western Washington University.

Bellingham, USA.

E-mail: edward.vajda@wwu.edu

Kim-Maloney A. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: alexandrakim@hotmail.com

Kim A. A.

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061

E-mail: kimaa@inbox.ru